

ПЛАМЯ ТАЛАНТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
г. Москва

31 MAR 1959

Б. МЕЙЛАХ

«пламени таланта», добиться того, чтобы «рука приучилась совершенно повиноваться мысли».

Глубоко поучительны и блистательные победы, которые он одерживал на этом пути, и горькие поражения.

«Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?»

Так мог сказать о родине и о себе только писатель, для которого вопрос о его обязанностях и долге — не риторический прием, а источник постоянных душевных тревог. В знаменитом лирическом монологе о предназначении писателя, включенном в «Мертвые души», Гоголь не только обобщил свои раздумья на эту тему, но по существу подвел итоги развития новой школы русского искусства.

Мысль о двух типах писателя: одном, который «окурил упоительным куравом людские очи... сокрыв печальное в жизни», и другом, дерзнувшем силой неутомимого резца вызвать наружу страшную правду, — была раньше высказана Гоголем в статье «Несколько слов о Пушкине». Здесь достаточно прозрачными инскаказаниями говорится о подвиге поэта, презревшего суд света и, несмотря на лишения, избравшего великий путь рыцаря правды. Гоголь подразумевал реальную судьбу писателя в самодержавной России. В письмах он уже без инсказаний говорит о том, что против него ополчились «целые сословия», и признается: «Грустно, когда видишь, в каком еще жалком состоянии находится у нас писатель. Все против него, и нет-никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него».

Все самое лучшее в творчестве Гоголя, все, что, говоря его собственными словами, овеяно «грозной вьюгой вдохновения», было рождено новой юной Россией, новыми молодыми силами, восставшими против сил рабства и тьмы.

В жизни каждого человека есть книги, которыми обозначены вехи духовной биографии: они учили видеть мир, раскрывали неожиданное даже в привычном. Этими книгами писатель, пусть отдаленный десятилетиями и даже веками, однажды вмешался в нашу жизнь и остался в ней навсегда, заставив запомнить его образы, думать его сравнениями.

К таким писателям принадлежит автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки», повестей, «Ревизора» и «Мертвых душ». Одно только название каждого из этих произведений вызывает в нашем сознании целый мир живых и ярких представлений, образов красочных и звучащих. Читая Гоголя, испытываешь те же чувства, то же потрясающее радостное воздействие искусства, о котором однажды писал Гоголь под впечатлением пушкинского «Бориса Годунова».

Эти ощущения испытываешь при чтении не только «Вечеров», полных поэзии, овеянных чудесной народной фантастикой, или проникнутого героикой подвига «Тараса Бульбы», но и повестей, предмет которых, казалось бы, совсем не поэтичен, — рядовые чиновники, обыденные или диковинные помещики, пошлость нравов.

В чем же тайна гоголевского гения, благодаря которому мы не только возмущаемся и негодуем, видя вереницу свинных рыл николаевской России, но переживаем также наслаждение? Почему, даже при всей мрачности красок иных страниц, читателя никогда не покидает и светлое чувство, ощущение радости

жизни? Разгадка этому — в высоте критериев, на основе которых писатель творит свой суд над современностью, в мудрой народной пронизательности рассказчика, в той глубокой полноводной лирической стихии, благодаря которой произведения прозаика-Гоголя заняли место в нашем сознании рядом с творчеством самых проникновенных поэтов-лириков. Когда говорят о том, почему Гоголь назвал «Мертвые души» поэмой, чаще всего вспоминают лирические отступления. Конечно, образами самой возвышенной поэзии являются здесь своеобразные вставные стихотворения в прозе — о богатырской силе родины, «птице тройке», или о призвании писателя, которому суждено чудесной властью озирать всю громадно-несущуюся жизнь.

Но не в этом только выражен положительный идеал Гоголя, его идеал прекрасного, его мечта. Вся структура «Мертвых душ» — от композиции до интонационных средств — подчинена двойной задаче: раскрытию беспредельной тупости, жестокости, обреченности старой, помещичьей России и одновременно — воссозданию идеала жизни человеческой, исполненной красоты, свежести, чистых и юных стремлений. Средства воссоздания этого идеала разнообразны: здесь и прямая авторская оценка изображаемого, и система контрастов, и поэзия природы, свободная и могучая красота которой выступает гневным укором миру чичиковых и шляпкинских. И всюду призывы к честности, предостережения, западающие в душу слова: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымите потом!».

Воссозданная Гоголем картина России крепостнической вела к революционным выводам, независимо от того, хотел ли этого писатель. Объективно революционный смысл имела и та программа нового реалистического искусства, которой он подкреплял переворот в эстетических представлениях своего времени.

Корни этой программы — в убежденном и настойчивом отстаивании «обыкновенного» как объекта искусства, причем объекта самого сложного для творческого воспроизведения. Гоголь не раз развивал мысль о том, что необыкновенное в обыкновенном может раскрыть только необыкновенный талант. Приступая к изображению Манилова, он так пояснял эту мысль. Изображать крупные характеры, исключительные натуры сравнительно легко. Но страшно трудны для портретов «обыкновенные люди», с виду похожие друг на друга. Для того, чтобы увидеть их суть, их почти невидимые черты, нужен «изощренный в науке выпытывания взгляд». Иначе говоря, Гоголь указывает на необходимость особенно тонкого аналитического подхода при изображении «обыкновенного». Но этот анализ, вместе с тем, должен быть живописным, чтобы поразить зрителя или читателя, запасть в душу. Единство анализа и образности Гоголь гениально обобщил, говоря о народных пословицах: «меткость живописного соображения». Именно «соображения» (то есть синтеза), а не только воображения!

Размышляя об эстетике «обыкновенного», Гоголь вскрыл и ее общественную роль. Изображение «обыкновенного» вызывает наружу все, мимо чего человек равнодушный проходит каждый день, все презренное и ничтожное. То, что было раньше незаметным, привычным, превращается благодаря силе художественного прозрения в неотразимый образ, вызывает

(Окончание на 3-й стр.)